

ДМИТРИЙ ВЕРХОТУРОВ

**«КАЗАХСКИЙ ГЕНОЦИД»,
КОТОРОГО
НЕ БЫЛО**

Дмитрий Николаевич Верхотуров «Казахский геноцид», которого не было

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64004872

Д. Н. Верхотуров. «Казахский геноцид», которого не было: ООО

«Издательство Родина»; Москва; 2021

ISBN 978-5-00180-043-9

Аннотация

Автор, крупный специалист по истории СССР сталинского периода, доказывает в своей книге тезис, что голод в КазАССР в 1932–1933 годах организовали баи. В доказательство приводится обширный архивный материал, собранный им в архивах России и Казахстана, редкие социально-экономические исследования кочевых аулов.

В книге опровергается, с опорой на статистику и расчеты, утверждение о том, что от голода погибли миллионы казахов. Автор приводит свою оценку потерь от голода – не более 650 тысяч человек.

Миф о голодоморе в Казахстане не только грубо искажает историю советского Казахстана, но и клеветает на казахов, как на нацию.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
Глава первая. В действительности – все наоборот	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Верхотуров «Казахский геноцид», которого не было

© Верхотуров Д. Н., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

Введение

«Казахи за каких-то 10–15 лет (1919–1933) лишились около половины населения. Мировая история не знает трагедии подобного масштаба. И каждый казах просто обязан знать, помнить об этой трагедии» – этот категорический призыв теперь нередко распространяется через социальные сети в Интернете. Именно этот, цитированный, был в одной из казахских групп в Фейсбуке. И под ними комментарии: «Геноцид», «Этноцид», «Ия дұрыс», «Да это было намеренное истребление» и так далее, ну и, конечно, классическое: «Мы не забыли и не простим».

К этому можно было бы относиться как к интернетной забаве, выплескиванию эмоций, густо замешанных на анти-российских настроениях, особенно пошедших в рост в Казахстане после 2014 года. Однако иногда такие же призывы делаются официально, в формате политических заявлений. Например, 31 мая 2018 года движение «Жаңа Қазақстан» (Новый Казахстан) выступило в преддверии Дня памяти жертв политических репрессий 31 мая с обращением к тогдашнему президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву с требованием признать геноцид казахов: «Необходимо дать юридическую и правовую оценку по признакам массовых убийств, геноцида и прочих преступлений против человечности коммунистического режима. Необходимо изжить

коммунистическую идеологию, удерживающую Казахстан в коммунистическом прошлом и довлеющую над независимостью Казахстана». С этим заявлением от имени движения выступили Амиржан Косанов, Расул Жумалы и Айдос Сарым. Один из самых рьяных казахских нацпатов Айдос Сарым тогда же заверил публику в ответ на вопрос, можно ли считать голод в Казахстане геноцидом казахов: «Я думаю, да. И мы будем работать над тем, чтобы так считали». И далее Сарым подчеркнул: «Я думаю, что в ближайшие 2–3 года мы добьемся такого же документа¹ для Казахстана, как внутри страны, так и за рубежом»².

Некоторые казахские национал-патриоты не ограничиваются требованиями только к Назарбаеву. Доктор исторических наук Азимбай Гали в 2016 году выдвинул требования признать геноцид казахов к России³. Но есть вопрос. Если уж в самом Казахстане нет такого официального признания голода геноцидом, то к чему требовать такого признания именно от России? Затем, чтобы сделать Россию виноватой. Га-

---

¹ В интервью речь шла о резолюции Конгресса США (12 декабря 2018 года) и Сената США (4 октября 2018 года) о признании голода на Украине геноцидом украинского народа. В момент интервью эти резолюции еще проходили рассмотрение.

² Неделько Ф. Через 2–3 года мы добьемся признания голодомора геноцидом казахского народа – Айдос Сарым // Caravan.kz, 13 июня 2018 года. – <https://www.caravan.kz/news/cherez-23-goda-my-dobemsya-priznaniya-golodomora-genocidom-kazakhskogo-naroda-ajidos-sarym-453597/>

³ Верхотуров Д. Н. «Голодомор» и в Казахстане? // Столетие, 8 августа 2016 года – http://www.stoletie.ru/politika/golodomor_i_v_kazahstane_202.htm

зета Central Asia Monitor 24 мая 2019 года опубликовала интервью с главным научным сотрудником Института Украины Национальной Академии наук Украины, доктором исторических наук, профессором Станиславом Кульчицким, который делился своим опытом в пропаганде украинского «голодомора» и весьма откровенно поведал: «Россия считает себя правопреемницей Советского Союза, но не готова принять на себя вину за преступления сталинских времен»⁴. Кульчицкий открыто заявил, что у «голодомора» есть политическая подоплека и целью всей этой кампании является подрыв российской пропаганды. Так что тут задача состоит в нанесении России политического ущерба, потом истребования с нее каких-нибудь покаяний, и если получится, то даже и материальных компенсаций. Кульчицкий, правда, не надеется, что Россия заплатит когда-нибудь, но такая идея на Украине витала в воздухе.

В конце интервью Кульчицкий сделал такое заявление: «Главное для казахских и украинских ученых – создать реальную картину того, что было в действительности». Он, видимо, не заметил, как резко этот призыв противоречит всем его рассуждениям о политической подоплеке и политической антироссийской направленности «голодомора».

Впрочем, и до выступления Кульчицкого некоторые ка-

---

⁴ Кенже Т. Голодомор и Ашаршылык: чем украинский опыт поучителен для казахских исследователей? // Central Asia Monitor, 24 мая 2019 года – <https://camonitor.kz/33066-golodomor-i-asharshylyk-chem-ukrainskiy-opyt-pouchitelen-dlya-kazahskih-issledovateley.html>

захские авторы рассуждали о том же – о политической подоплеке голода в Казахстане. Та же самая Татиля Кенже в своей статье 2017 года весьма откровенно писала: «А чем вызвано долгое отсутствие четко сформулированной научной оценки Ашаршылыка? Ответ может быть таким: откуда же ей взяться, если нет соответствующего политического решения?»⁵ Тут даже не заходит речи о научной объективности и обоснованности исторических выводов, тут прямо продвигается тезис о том, что историю должны писать в соответствии с политическими решениями. Украинский историк лишь подтвердил и подкрепил эту мысль, и так уже разделяемую в Казахстане. Для нее никаких сомнений нет, и Кенже написала об этом с подкупающей откровенностью: «Сегодня ломаются копья по поводу того, можно ли считать Ашаршылык геноцидом? Но о чем тут спорить, если погибла чуть ли не половина этноса?». Ну тогда к чему были претензии, высказанные в ее статье в адрес публицистов, журналистов, писателей и пассивных казахстанских историков? Их-то роль какая? Именно что пассивная: дожидаться официального политического решения и лишь после него возбуждать по этому вопросу эмоции, лежащие в основу всякого рода требований и заявлений. Это прямо следует из ее же позиции.

И Станислав Кульчицкий, и Татиля Кенже, да и другие ка-

---

⁵ Кенже Т. Нужна ли Казахстану политическая оценка голода 1930-х годов? // Central Asia Monitor, 31 мая 2017 года – <https://camonitor.kz/26973-nuzhna-li-kazahstanu-politicheskaya-ocenka-goloda-1930-h-godov.html>

захские «голодоморщики» совершенно единодушны в своем мнении, что история всецело определяется политическими решениями. Соответствие трудов историков политическим решениям – это для них критерий истины. Но в этом случае, это нужно подчеркнуть, речь идет вовсе не об объективной научной истории, а о политической идеологии, использующей исторический материал для подкрепления своих тезисов.

Идеология эта антироссийская по своему характеру. В ее рамках казахи преподносятся только как жертвы политики, проводимой центральным советским руководством. Поскольку Россия официально провозгласила себя правопреемником СССР, то, по логике казахских «голодоморщиков», и за результаты этой политики отвечать и каяться тоже должна Россия. Их не особенно останавливает тот факт, что Казакская АССР тогда была частью России и входила в состав РСФСР, и тот факт, что эта самая политика проводилась руками руководства Казакской АССР, в том числе и в значительной мере руками этнических казахов. Они это готовы объяснить тем, что руководство КазАССР было назначено из Москвы, что Ф. И. Голощекина прислали руководить Казкрайкомом ВКП(б) из Москвы же, по решению И. В. Сталина, что переносит ответственность на союзный уровень и, стало быть, на его правопреемника. Про казахов, вроде председателя СНК КАССР, а потом председателя СНК КазССР Ураза Исаева, они благочестиво помалкивают. Дальше обыч-

но следует бурление эмоций по поводу миллионов умерших и по поводу того, что Россия никаким образом не хочет признавать за собой вину и каяться. Поскольку на это нет никакой надежды, по страницам казахских групп, чатов и пабликов в социальных сетях время от времени прокатываются призывы в духе «не забудем, не простим».

Стоит также отдельно подчеркнуть, что подобные взгляды на историю в Казахстане вовсе не являются продуктом чисто казахского творчества. Казахских «голодоморщиков» весьма активно поддерживают в Европе и США.

На Западе есть большой опыт по поддержке украинских «голодоморщиков». Масштабная политизация темы украинского «голодомора» началась еще в годы Холодной войны, когда в 1980-х годах в США появились публикации, в которых голод на Украине подавался как «террор голодом». Разработкой этой темы фактически руководил Джеймс Мейс, которого, кстати, американское академическое сообщество изгнало из своих рядов и Мейсу пришлось перебраться на Украину. Это была часть идеологической политики, нацеленной на максимальную демонизацию СССР, объявленно-го президентом США Рональдом Рейганом «империей зла»⁶.

---

⁶ Кондрашин В. В. Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932–1933 гг. в СССР на постсоветском пространстве и в современной западной историографии // История современности. Информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом. Доклады Международной научно-практической конференции. Москва, 28–29 ноября 2019 года. М., 2019, с. 236.

Уже в наши дни тема «голодомора» активно использовалась на Украине при президенте Викторе Ющенко, когда 28 ноября 2006 года Верховная Рада Украины приняла закон, объявивший голод «геноцидом украинского народа». Бурная активность украинских представителей на международной арене, в частности в ООН, была в 2018 году официально поддержана Сенатом и Конгрессом США.

На пропаганду украинского «голодомора» выделялись и выделяются гранты. К примеру, работа Кристины Хук об украинском «голодоморе» поддерживалась программой Фулбрайта на Украине, Национального научного фонда США, Агентства США по международному развитию (USAID) и так далее. Хук – плоть от плоти американского политического истеблишмента и ранее работала в Госдепартаменте США по вопросам геноцидов и массовых убийств. Или вот, в 2018 году Правительство Канады выделило 1,45 млн долларов, а правительство провинции Онтарио – 750 тысяч долларов на поддержку Национального образовательного тура о Голодоморе. Гранты на украинский «голодомор» выделяются и теперь. Например, канадский Консорциум по исследованию и преподаванию Голодомора предоставляет гранты на 2020 год на исследования, публикации и организацию конференций.

Развитие событий на Украине довольно наглядно показывает, что раскручивание и пропаганда «голодомора» поддерживались западными странами, в первую очередь в США и

Канаде, во вполне очевидных политических целях, состоявших в максимальном разрыве отношений между Украиной и Россией, в противопоставлении их друг другу и разжигании между ними вражды. Еще до того, как «голодомор» на Украине стал официальной линией правительства, в США стали разрабатывать прикладной раздел исторической философии и политологии, который назывался «use of history» (использование истории). По большей части эти работы делались в образовательных целях, но некоторые работы явно ставили перед собой политические цели и рассматривали «использование истории» как инструмент политической и идеологической борьбы. В этих исследованиях теоретически обобщался обширный опыт Холодной войны, в которой история тоже выступала средством острой идеологической борьбы.

История и ее содержание прямо влияют на текущую политику, на принятие политических решений и на общественное мнение. Потому переписывание истории позволяет в довольно короткий срок существенно изменить политическую ситуацию в целых странах, изменить их политический курс в нужную сторону. Если бывшая сотрудница Госдепартамента США Кристина Хук на грантовые средства убеждала украинцев, что «голодомор» на самом деле существовал, то в этом хорошо просматривается политическая заинтересованность в этом американского руководства.

Подобное переписывание истории мы видим не только на Украине, но и в других странах Восточной Европы, в осо-

бенности в Польше и в странах Прибалтики. Там масштабы переписывания истории правильнее было бы назвать идеологической конверсией этих стран, не так давно входивших в социалистический лагерь или даже в состав СССР, как прибалтийские республики. Оказывается, освобождение их от нацистского сапога, обошедшееся Красной армии огромными жертвами, последующие затраты на восстановление после войны и развитие – это теперь «советская оккупация», за которую некоторые страны, вроде Латвии, даже отваживались требовать компенсации. В общем, подход такой: чтобы эти страны сделать враждебными России, надо сначала написать им такую историю, в которой Россия или СССР были бы им врагами. И профинансировать все это щедрыми грантами.

Казахстан долго был на периферии этого процесса «использования истории», но некоторая поддержка казахским «голодоморщикам» также оказывалась. В частности, «казгеноцид» постоянно пропагандировали ресурсы, финансируемые из ЕС и США: радио «Азаттык» (подразделение RFE/RL, прославившегося еще в годы Холодной войны), Eurasianet.org, которое финансируется фондом «Открытое общество», Национальным фондом в поддержку демократии и работает при Институте Гарримана при Колумбийском университете, и другие западные пропагандистские ресурсы.

Начали постепенно выделять и гранты. К примеру, Фонд Сорос-Казахстан в 2019 году поддержал выход сборника, в

котором был опубликован большой раздел о коллективизации и голоде в Казахстане, составленный доктором исторических наук Жулдузбеком Абылхожиным, конечно, сугубо в рамках мифа о «казгеноциде»⁷. Одним словом, политика «использования истории», уже давшая буйные всходы на Украине, в Польше, Прибалтике, постепенно начинает проникать и в Казахстан.

Почему на это нужно обращать внимание? Потому что на Украине идеология «голодомора» выступила одним из элементов политической и идеологической подготовки переворота 2014 года. Распаленные многолетним накручиванием «голодомором» украинские националисты свергли правительство Виктора Януковича, которое посчитали «пророссийским». Хотя свергать одно собственное правительство и устанавливать другое собственное правительство есть дело суверенное, тем не менее у этого были последствия, прямо затронувшие Россию. Негативным эмоциям надо было найти выход, и украинские националисты после переворота перешли к репрессиям против тех, кто не хотел говорить по-украински и украинизироваться с поклонением Степану Бандере и считался националистами пророссийским, неважно, действительно или мнимо. Кинуться сразу на Россию они не решились и выбрали себе жертв, которых считали беззащитными. Известно, чем это кончилось: Крым отделился

---

⁷ Живая память. Сталинизм в Казахстане – Прошлое, Память, Преодоление. Алматы: Дайк-пресс, 2019.

от Украины и вошел в состав России; на востоке Украины началась война, появились самопровозглашенные Донецкая и Луганская народные республики. Россия теперь пытается погасить этот вооруженный конфликт и прекратить кровопролитие, а также на Россию легли гуманитарные последствия этой войны. Как видим по украинскому примеру, «голодомор» – вовсе не безобидная штука.

По похожей модели развиваются события и в Казахстане. Казахский «геноцид» скроен по похожим лекалам, что и украинский «голодомор», и есть основания считать, что он приведет к похожим же последствиям. Многолетнее накручивание негативных эмоций, скорби и безадресной ненависти в стиле «не забудем, не простим» должно получить какой-то выход. Казахи, и особенно руководители Казахстана, прекрасно понимают, что Россия после украинской эпопеи такие агрессивные выпады уже не оставит без ответа.

Активизация казахской «национальной памяти», наблюдающаяся в последние годы, и переход к погромной практике, вроде погрома дунган в Масанчи Кордайского района Жамбылской области 7 февраля 2020 года – это также показывает, что казахский «геноцид» тоже далеко не безобидная вещь. От исторического мифа, порождающего поток негативных эмоций, смешивающихся с явным недовольством нынешним положением в республике, не столь далеко до погромов, мятежей и войны.

Это ответ на вопрос, почему этой темой стоит заниматься.

Немного о теории исторических мифов

В своей предыдущей работе, посвященной схожей теме истории, подоплеки и внутренней логики коллективизации в СССР, я определял исторический миф таким образом: «Это предельно упрощенное, на уровне лозунга, отражение какого-либо общественного, политического или экономического процесса»⁸. И далее: «Миф для общественного сознания, для широких масс выступает заменителем объективного и точного знания». Таким образом, предельно упрощенное отражение истории, служащее заменителем объективного и точного знания – это и есть основополагающие черты любого исторического мифа.

Исторический миф рождается в области пропаганды и народного просвещения и в значительной мере существует по объективным причинам. Во-первых, широким массам населения, занятым трудовой деятельностью и своим бытом, некогда заниматься добычей точного и объективного знания об истории. Это занятие очень трудоемкое, сложное и требующее длительного времени, образования и специальных навыков. Нетрудно привести примеры того, как историки посвящали всю свою жизнь, от студенчества до смерти в преклонных годах, изучению двух-трех исторических вопросов.

---

⁸ *Верхотуров Д. Н.* Сталинская коллективизация. Борьба за хлеб. М.: Вече, 2019, с. 10.

Многие исторические вопросы разрабатывались несколькими поколениями ученых и передавались от учителя к ученику. Разумеется, что обычный человек, не выбравший историю делом своей жизни, такого себе позволить не может.

Во-вторых, объективное, точное и детальное отражение какого-либо исторического события или процесса, как правило, занимает целые тома, много томов, иногда десятки томов. Вся историческая литература огромна и необозрима. Достаточно сказать, что в специализированной Государственной публичной исторической библиотеке в Москве 4,6 млн книг и изданий по истории и смежным дисциплинам. Это намного больше, чем один человек может прочитать за всю жизнь. Потому замена подробного, объективного и точного знания о тех или иных исторических событиях и процессах краткой выжимкой – это есть насущная необходимость даже для профессиональных историков. Емкость человеческой памяти все же ограничена.

Когда дело доходит до народного образования и обучения истории в школах, то тут исторический миф, как предельно упрощенное отражение, заменяющее точное и объективное знание, выступает единственным средством, способным решить задачу формирования у широких масс населения представления об истории человечества, стран и народов, приличествующего образованному человеку. Любой школьный учебник истории, в том числе, конечно, и казахский, представляет собой, в сущности, сборник специально подготов-

ленных исторических мифов.

Это если говорить в двух словах о теории исторического мифостроительства. Несмотря на негативное отношение к историческим мифам, выражающееся даже в борьбе с ними, я считаю, что их существование вызвано вескими причинами, описанными выше. Комплект исторических мифов выступает своего рода каталогом, ключом к огромному массиву данных по истории, который ежегодно пополняется и расширяется. Исторический миф – это репрезентация действительного и объективного исторического процесса.

Однако исторический миф, предельно упрощающий отражение исторического процесса, иногда фактически до афоризма, может в целом верно отражать его сущность, а может отражать не совсем верно, совсем неверно или даже выдавать за отражение действительных событий вымысел. Вымысел может быть и умышленным, то есть нацеленным на искажение истории и формирование неправильного о ней представления. Вымысел может не только вносить неправильные детали и акценты, но и вообще подделывать историю, заменяя действительные события на легенду. Наш случай казахского «геноцида», или сокращенно «казгеноцида», в стиле фразеологии 1920-х годов, именно такой.

Знание об истории оказывает определенное влияние на мировоззрение людей, на их ценности, на поведенческие стереотипы и даже на эмоциональное состояние широких масс населения. Из этого уже вытекает влияние на политику,

экономику и общественную жизнь. Особенно история важна для наций. Крупный исследователь европейского национализма Бенедикт Андерсон показал, что национальная история является тем средством, которое создает и скрепляет нацию. В ней отражается национальная судьба и характер, преемственность поколений, желательно с глубокой древности, формулируются претензии на право обладания определенной территорией, на определенную политическую и культурную роль. Именно история соединяет нацию в единое целое и объединяет людей, к этой нации относящейся⁹. Однако общественность черпает свои познания об истории не напрямую из документов и трудов историков, а из исторических мифов, которые можно изучить и усвоить достаточно быстро, не особенно отвлекаясь от повседневной трудовой деятельности, во время обучения в школе или университете, или же на досуге. Потому исторические мифы очень influential и, по существу, формируют и оформляют нации.

Раз исторические мифы настолько influential, то открывается возможность путем сокрушения старых мифов и создания новых мифов, перестройки наличного комплекта исторических мифов, формирующих общественные представления об истории, изменять общество, его мировоззрение, менять его политическое, экономическое и социальное устройство. Эти изменения всегда сопровождаются создани-

---

⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс, Кучково поле, 2001, с. 30.

ем и введением в оборот новых исторических мифов, а также критикой и сокрушением старых мифов.

В принципе, лучше всего, чтобы исторический миф в основных чертах верно отражал объективную историю. Первый президент Чехословакии Томаш Масарик, который был также крупным историком и участвовал в разоблачении поддельной Краледворской летописи, однажды сказал: «Великое не может быть ложным». В верности заключается сила и доказательность исторического мифа, в этом заключается залог его влияния и долгожительства, и в этом источник того благотворного начала, которое имеет изучение истории. Но далеко не всегда история совпадает с текущими политическими интересами. Она, как вещь состоявшаяся, завершенная и независимая от наших суждений о ней, и не обязана всякий раз совпадать с новейшими изгибами политической ситуации. Вот тогда и возникают исторические мифы, которые отражают действительную, объективную историю неправильно, с большими или меньшими искажениями, а то и вовсе заменяя ее на выдумку, на откровенную фальсификацию. Это неправильное или фальсифицированное отражение истории должно вызвать в обществе ту реакцию, которая нужна политическим силам, создающим и вводящим в оборот такой исторический миф.

Для широких народных масс, главных потребителей исторических мифов, разницы между правдивым, неправильным и фальшивым историческими мифами нет никакой. Как

правило, они следуют авторитетам и принимают на веру тот вариант исторического мифа или целого комплекта, который исходит из авторитетных для них источников. Но историки могут проверить доброкачественность любого исторического мифа. Для этого они изучают первоисточники, то есть разного рода документы, работы предшественников (которые тоже изучали первоисточники), проводят анализ собранных данных и создают возможно более точную и детальную реконструкцию исторических событий. Потом эта реконструкция сравнивается с бытующим историческим мифом. Если содержание бытующего мифа совпало в основных чертах с научной реконструкцией – значит, миф правдив. Если нет – то миф или искажает историю, или фальсифицирует ее, смотря по масштабу и характеру различий.

Все это нужно принимать во внимание, чтобы иметь ясное представление о том, с чем мы имеем дело, затрагивая миф о «казгеноциде».

Вокруг исторических мифов всегда шла и идет теперь упорная борьба, подпитываемая политическими интересами. Причем борьба как внутренняя, в том обществе, в котором миф возник и используется, так и внешняя, когда на мифы оказывается влияние извне, со стороны других государств или каких-то других внешних политических сил. Пропагандистская борьба на мировой политической арене не стихает ни на день.

В теме «казгеноцида» тоже есть аспект такой политиче-

ской по характеру борьбы. Я смотрю на него извне, с российской точки зрения, и потому настоящая книга является внешним влиянием на казахские исторические мифы. На мой взгляд, во избежание различных толков, и для того, чтобы сразу выбить из рук оппонентов аргумент типа: «Какое их дело до нашей истории?», об этом нужно сказать открыто. Во-первых, миф о «казгеноциде» носит явный фальсификаторский характер, что и будет показано ниже. Руководствоваться фальсификациями истории – это все равно что следовать, скажем, зрительным галлюцинациям. Это рано или поздно приведет к катастрофическим последствиям, которые создадут большие проблемы и для России. Во-вторых, для нас имеет значение, как понимают историю в Казахстане. Миф о «казгеноциде» формирует в Казахстане враждебное отношение к России, ведущее к антироссийской политике, недружественным действиям и переходу к откровенно враждебной политике. Для России, конечно, очень невыгодно появление еще одного враждебно настроенного к ней государства и общества, к тому же приграничного. Да и сама направленность мифа предусматривает нанесение России политического ущерба, что также идет вразрез с политическими интересами России. В-третьих, миф о «казгеноциде» формирует в казахском обществе негативные эмоции, фрустрацию, ненависть, претензии типа: «Мы так сильно страдали, теперь нам все должны». Эти эмоции и это отношение рано или поздно выльется или в острые межнациональные столкнове-

ния, или в вооруженный конфликт, последствия которых затронут и Россию. Куда побегут в поисках убежища, защиты и поддержки пострадавшие от разгула агрессивного казахского национализма, настоящего на мифе о «казгеноциде»? В первую очередь в Россию! Почему мы должны нести расходы из-за исторических фантазий наших соседей? Так что все это нас касается и мы вправе этим вопросом заниматься. Так сказать, во избежание.

Наша задача состоит в следующем. Первое. Необходимо доказательно продемонстрировать, что миф о «казгеноциде» фальсифицирует историю Казакской ССР и серьезно искажает историю СССР, которая также является частью истории России. Иными словами, этот миф должен быть уничтожен. Второе. Необходимо проанализировать, как этот миф возник и развился и какие цели преследовали его создатели. Третье. Необходимо показать, как в действительности обстояло дело с коллективизацией и оседанием кочевников в Казахстане, как и почему разразился сильный экономический кризис, особых предпосылок к которому не было. Это, пожалуй, наиболее интересная часть всей темы «казгеноцида», поскольку именно эту сторону казахской истории создатели мифа о «казгеноциде» постарались скрыть от общественного внимания, так, чтобы и следов не осталось. Этими линиями мы и будем руководствоваться в дальнейшем изложении.

Автор

Глава первая. В действительности – все наоборот

У пропагандистов и даже теоретиков «казгеноцида» есть книги, на которые они никогда ссылаться не будут. Даже если они им известны и доступны. Причина того элементарна – содержание этих книг не только резко противоречит защищаемому ими мифу, но и подрывает его под корень.

В списке таких книг я бы на первое место поставил «Материалы к отчету Казакского Краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказакской партконференции», изданные Казкрайком ВКП(б) в 1930 году¹⁰. Сама эта партконференция состоялась в Алма-Ате в июне 1930 года.

Книга весьма редкая. Она украшена грифом «Только для членов партии» и издавалась только для партийных работников. По этой простой причине изложенные в ней материалы и данные отличаются объективностью и точностью: почти все члены партии, которые делегировались на партконференцию, состояли на хозяйственной или советской работе и сами неплохо знали действительное положение дел. Врать им смысла не было. В отличие от партийных собраний позднего советского времени с крепким духом форма-

---

¹⁰ Материалы к отчету Казакского Краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказакской партконференции. Алма-Ата, 1930.

лизм, партконференции 1930-х годов, как и многие другие конференции того времени, были реальными политико-экономическими форумами, на которых обсуждалось реальное положение дел и принимались решения, впоследствии проводившиеся в жизнь.

Книга материалов к партконференции попутешествовала по библиотекам. Экземпляр, с которым я работал в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве, имел штамп книгохранилища 8-го, учетно-статистического отдела ГУГБ НКВД СССР. Ценный источник, что и говорить.

Так что эти материалы отражают положение дел на момент завершения сплошной коллективизации, не только объективно сложившееся экономическое положение, но планы, которые вынашивал Казкрайком ВКП(б) по поводу дальнейшего развития сельского хозяйства. Эти планы там были изложены с достаточной полнотой.

Если же почитать публикации пропагандистов «казгеноцида», то складывается впечатление, что все планы партийного руководства КАССР состояли только и исключительно в том, чтобы отнять у казахских кочевников скот и обречь их на голод. Например, Роберт Киндлер, немецкий историк, подвизавшийся на ниве живописания голода в Казахстане, писал: «Эти сухие цифры описывают не что иное, как крах казахского хозяйства. Самонадеянное и недальновидное стремление изъять из частного сектора как можно боль-

ше скота, не принимая никаких мер по дальнейшему уходу за ним, вымостило дорогу к экономической катастрофе»¹¹. Или вот, из классики жанра «казгеноцида» Валерия Михайлова: «Менее всего занимало Голощекина хозяйство степняков, материальный уровень их жизни, благосостояние. „Абстрактного человека“, к которому он хорошо относился, то есть на самом деле человека усредненного, порабощенного, надлежало осчастливить абстрактной же идеей, на самом деле – конкретной идеей усреднения и порабощения. Счастье же состояло в классовой борьбе, то есть в уничтожении одних другими... И вот классовой борьбы становилось все больше, а баранов и лошадей все меньше и меньше. А когда борьба достигла высот, люди стали умирать с голодухи...»¹².

Подобных высказываний можно найти немало, и этот тезис о том, что будто бы Казкрайком только и думал о том, чтобы «освободить» казахских кочевников от скота, входит в обязательный комплект мифа о «казгеноциде». Собственно, весь миф состоит, в сущности, из четырех взаимосвязанных тезисов: 1) конфискация бая (или «Малый Октябрь», как выражался первый секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекин); 2) сплошная коллективизация и насильственное оседание; 3) изъятие скота; 4) голод и миллионные жертвы.

Миф вроде бы прост по своему устройству, но эта просто-

---

¹¹ *Киндлер Р.* Сталинские кочевники. Власть и голод в Казахстане. М.: РОС-СПЭН, 2017, с. 152.

¹² *Михайлов В.* Хроника Великого джута. Алматы: Жалын, 1996, с. 141.

та обманчива. Его не так-то просто опровергнуть. Каждый из этих тезисов опирается на бесспорные исторические факты. Конфискация байских хозяйств – была, сплошная коллективизация и оседания – были, изъятие скота, по крайней мере в форме скотозаготовок и обобществления скота с концентрацией его в колхозных товарных фермах – тоже было, ну и голод – тоже имел место. Отрицать эти факты вроде бы не получается, а раз так, то и опровержение мифа о «казгеноциде» тоже не получается. Создатели этого мифа прекрасно понимали, что без знания многих специфических деталей и тонкостей сельского хозяйства КАССР того времени свалить их миф нельзя. Узнать их непросто, потому что они рассеяны в редкой, труднодоступной литературе и архивных документах. Те же, кто этих деталей и тонкостей не знает и узнать не может, вынуждены поверить пропагандистам «казгеноцида» на слово. Тем более что широко доступная литература, как советская, так и новейшая, в принципе работает на утверждение мифа о «казгеноциде». Чтобы не быть голословным, сошлюсь на книгу профессора, доктора исторических наук Чапая Мусина, в прошлом старшего научного сотрудника Института истории партии при ЦК Компартии Казахской ССР, то есть плоть от плоти советской партийной номенклатуры Казахстана, «Қазақстан тарихы». Вся история коллективизации у него уместилась на пяти страницах, на которых Мусин поведал о насильственной коллективизации, «великом переломе», о резком сокращении скота и, конеч-

но, о том, что от голода умерло много людей: 1750 тысяч человек или 49 % казахов¹³. Разумеется, все это Чапай Мусин подал как истину, не подлежащую сомнению и без каких-либо ссылок. Просто удивительно, как бывший историк партии, которому все обстоятельства были хорошо знакомы (он проработал в этом институте более 20 лет), излагал миф о «казгеноциде» без тени смущения. Книга издана большим для Казахстана тиражом в 5000 экземпляров, и ее читали многие.

Или вот еще пример. В учебнике по истории Казахстана, рекомендованном Министерством образования и науки РК в качестве учебника для высших учебных заведений, довольно прямо говорится об изъятии скота как о цели коллективизации и оседания: «Колхозные фермы, в которые стогнялся обобществленный скот, часто представляли собой участки степи, огороженные арканами, в которых животные стали погибать». И как следствие: было 40,5 млн голов скота, стало 4,5 млн голов; погибло около 2,1 млн жителей республики¹⁴. Вообще, я не понимаю, чего добиваются вожди движения «Новый Казахстан», какого еще официального признания «голодомора»? Он уже был признан Министерством образования и науки РК, включен в учебники для вузов, заби-

---

¹³ Мусин Ч. Қазақстан тарихы. Жоғары және арнаулы орта оқу орындарына арналған оқулық (көне дәуірден 2008 жылдың басына дейін). Алматы: Норма-К, 2008, б. 332–335.

¹⁴ Кан Г. В. История Казахстана. Алматы: Алматыкітап, 2005, с. 177.

вался в головы студентам, причем за много лет до того, как они удосужились выступить со своими требованиями. Косанов, Сарым и прочие – не ломитесь, пожалуйста, в уже открытую дверь!

Так что нужно лишь замалчивать существование некоторых важных источников, не ссылаться на них, не упоминать их и вообще делать вид, что их и не существует вовсе, чтобы миф о «казгеноциде» казался несокрушимым.

Когда я работал над своей предшествующей книгой о голоде в Казахстане, многим, должно быть, знакомой: «Ашаршылық. История Великого голода», в которой пытался объяснить голод хозяйственной катастрофой, вызванной неразумными и нереалистичными планами развития зерновой запашки, мне тоже эти важные источники были недоступны. Старые карточные каталоги были весьма несовершенными и найти в них нужные книги и документы зависело, по большому счету, от везения. Теперь же ситуация изменилась. Введение в последние годы электронных каталогов, позволяющих быстро и легко находить нужные сведения в фондах библиотек и архивов, позволило эти ценные источники обнаружить и изучить. Вот электронный каталог ГПИБ в Москве дал мне возможность ознакомиться с материалами Казкрайкома, представленными к сведению делегатов VII Всеказакской партконференции¹⁵.

---

¹⁵ Поскольку *официальное* переименование республики и введение в оборот термина «казах» и терминов, производных от него, состоялось лишь в 1936 году,

Громадные планы

Эти материалы интересны всесторонне. Они рисуют довольно точную картину экономического развития КАССР на момент начала 1930 года, когда республика была еще в основном аграрной (в валовой продукции 1929/30 года¹⁶ сельское хозяйство занимало 87,3 %). Они дают характеристику структуры сельского хозяйства и соотношение казахской и русской ее частей, что совершенно не упоминается в сочинениях пропагандистов «казгеноцида», хотя это очень важные сведения. К этим материалам мы еще не раз вернемся, но пока что заострим внимание на тех планах, которые выдвинул Казкрайком ВКП(б).

Речь в материалах шла о показателях пятилетнего пла-

до этого времени употреблялся несколько русифицированный термин «казак», происходящий от оригинального названия на казахском языке – қазақ. Потому республика называлась тогда Казакская АССР (КАССР). Я избегаю модернизации названий 1920-х и первой половины 1930-х годов, распространенной в литературе, и употребляю названия в той форме, в какой они бытовали в то время.

¹⁶ Сдвоенный год, например, 1929/30 год, означал хозяйственный год, введенный в 1921 году, который начинался 1 сентября и заканчивался 31 августа. Хозяйственный год учитывал цикл земледельческих работ: озимый и яровой посевы, а также получаемый с них урожай; на хозяйственный год планировались хлебозаготовки из урожая, собранного в предыдущем хозяйственном году. Хлебозаготовительная кампания начиналась в сентябре и активно шла примерно до февраля-марта следующего календарного года. В 1930 году было принято решение о переходе на календарный год, в силу чего 1930/31 год был отменен, к 1930 году был добавлен «особый квартал»: сентябрь-октябрь 1930 года.

на развития сельского хозяйства КАССР, составленного Госпланом КАССР. В материалах упоминается, что планы пока что не утверждены окончательно и обсуждаются в союзных наркоматах. Действительно, на момент составления книги, в марте 1930 года, этот план рассматривался в Наркомземе СССР и в него вносились некоторые поправки.

Животноводство в планах развития сельского хозяйства стояло на первом месте, поскольку, по данным 1927/28 года, в валовой продукции сельского хозяйства животноводство занимало 66,7 %¹⁷¹⁸. План в первую очередь давал показатели динамики развития поголовья скота, от чего зависели все мероприятия в этом секторе. Как же себе Госплан КАССР видел эту динамику? Видел он ее очень интересным образом (в тысячах голов)¹⁹:

1929/30 40 508,2

1930/31 43 335

1931/32 47 666,8

1932/33 53 331,8

За четыре года пятилетки поголовье скота в КАССР долж-

---

¹⁷ Материалы к отчету Казакского краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказакской партконференции. Алма-Ата, 1930, с. 1.

¹⁸ Материалы к отчету Казакского краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказакской партконференции. Алма-Ата, 1930, с. 1.

¹⁹ Материалы к отчету Казакского краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказакской партконференции. Алма-Ата, 1930, с. 4.

но было вырасти на 12 823,6 тысячи голов. Из чего следует, что по изначальным планам развития сельского хозяйства скота должно было стать значительно больше, то есть планировался, конечно, прирост и казахского стада, поскольку получить прирост на 12,8 млн голов без казахов было бы совершенно невозможно.

Уже только лишь в силу этого обстоятельства пропагандистам мифа о «казгеноциде» стоило замалчивать существование этих материалов. Эти цифры в корне подрывают один из ключевых тезисов мифа, что будто бы планировалось изъять у казахов весь скот почти что подчистую.

Дальше – интереснее. План развития сельского хозяйства предусматривал бурное развитие полеводства и запашки. В этих материалах имеется единственное известное мне указание на то, что казахи тоже должны были много запахивать земли и выращивать много зерна. Итак, показатели плана по запашке были таковы (в тысячах гектаров)²⁰:

	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Весь посев	4349,4	5071,9	7698,8	11 228,5	14 880,6
Зерновые культуры	3852,7	4489	6650,1	9410,2	12 180,5
Пшеница	2429,3	2975,7	4575,7	6593,7	8565,7
Технические культуры	541,3	582,4	758,1	1274,5	1721,1
Посев у казахов	1407,2	1984,8	2753,6	3929,1	4984

---

²⁰ Материалы к отчету Казакского краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказакской партконференции. Алма-Ата, 1930, с. 8.

Какая чрезвычайно интересная получается картина! Оказывается, что казахи уже не были только и исключительно кочевниками-скотоводами, как утверждает миф о «казгеноциде». В 1928/29 году казахи имели 1,4 млн гектаров посева. Это уровень, достигнутый уже перед началом планирования развития сельского хозяйства. Как показывают данные Акмолинского губстатотдела, опубликованные в 1927 году, очень подробные, казахи сеяли почти исключительно зерновые культуры: яровую пшеницу и яровое просо. В 1926 году в Акмолинской губернии у казахов было 71,4 тысячи десятин посева, из них 61 тысяча гектаров приходилось на яровую пшеницу²¹

---

²¹ Справочник по статистике сельского хозяйства, промышленности и труда за 1924–25, 1925–26 и 1926–27 гг. Петропавловск, 1927, с. 2–5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.